

Посвящается Сету Каване

Кэстон: библиотека с двойным дном

I

Давайте начнем вот с чего: тем, кто смотрит на жизнь со стороны, могло бы показаться, что мистер Бергер существование влачит довольно утлое. В сущности, он и сам вписывался в данную, с позволения сказать, парадигму. Работал он в жилотделе мелкого муниципалитета, где занимал должность регистратора закрытых учетных записей. Из года в год перечень его задач не менялся: сиди, скрипи перышком и составляй список лиц, отказавшихся или самовольно съехавших из предоставленного муниципального жилья (последнее подразумевало некую задолженность). И неважно, равнялась ли задолженность плате за неделю, за месяц или даже за год (вопрос выселения — вообще штука сложная, все тянется и тянется, подчас оставляя за собой такой хвост, что отношения между мэрией и съемщиком начинают напоминать стояние войска под стенами осажденного города). Итак, мистеру Бергеру надлежало скрупулезно вносить означенную сумму в пухлый ледериновый гроссбух, именуемый «Реестром закрытых счетов». В конце года мистер Бергер должен был сводить баланс между платой внесенной и причитающейся. При надлежащем выполнении работы разница между двумя суммами и составляла итог, вносимый в ведомость.

Однако суть своей работы мистер Бергер не смог бы и внятно растолковать. Редко доходило до того, чтобы ее описание выслушали таксист или попутчик в поезде или автобусе — им не хватало ни сил, ни интереса. Но мистер Бергер не обижался. Иллюзий насчет себя или своей работы он не питал. Зато он легко уживался с коллегами и накануне выходных запросто составлял им компанию за пинтой пива (одной, не больше). Исправно вносил он лепту и на подарки к проводам на пенсию, и на юбилеи со свадьбами, и на похоронные венки. Однажды он и сам едва не стал причиной для такой складчины — когда решился осторожно флиртовать с молоденькой служащей из счетного отдела. Его скромные ухаживания, казалось, встретили взаимность, и парочка на протяжении года совершала несмелое кружение, однако на ковер ступил некто более фатоватый, чем мистер Бергер. Вскоре его зазноба, вероятно, устав ждать, когда ее первый избранник наконец прорвет вокруг нее зону неприступности, ушла к его сопернику. А мистер Бергер поучаствовал в складчине на их свадьбу, причем без всякого оттенка горечи (согласитесь, это говорит о многом).

Должность регистратора приносила доход не сказать чтобы весомый, но в целом мистеру Бергеру хватало на еду, одежду и на крышу над головой. А остаток он тратил на книги. Мистер Бергер вел жизнь, если можно так выразиться, пропитанную духом воображения, и вдохновляли его всяческие истории. Вдоль стен квартиры мистера Бергера тянулись стеллажи, уставленные его любимыми книгами. Четкого порядка среди них не было. Нет-нет, вы не подумайте: по авторам мистер Бергер книги, разумеется, группировал, но ни алфавиту, ни тематике не уделял должного внимания. Он знал, куда именно следует протянуть руку за нужным названием — только и всего. Порядок — для скудных умов, а мистер Бергер был весьма развит, хотя сперва можно было предположить обратное. Те, кто в душе несчастлив, умиротворенность других оши-

бочно принимают иной раз за скуку. Мистер Бергер иногда ощущал нечто похожее на одиночество, но не скучал никогда. В общем, он не был подвержен душевной хандре, а ход своих дней помечал прочитанными книгами.

Подозреваю, что в данном повествовании мистер Бергер предстает эдаким стариканом. Но он им не был. В свои тридцать пять мистер Бергер хотя и не являлся предметом обожания юных дев и впечатлительных домохозяек, но все же был по-своему приятен и даже притягателен. Правда, несмотря на эти качества, в нем проглядывало нечто если не откровенно асексуальное, то, во всяком случае, отмежеванное от реальности отношений с противоположным полом (впечатление, усиленное коллективной памятью о том, как все сложилось — или, наоборот, *не* сложилось — с той девичьей из счетного отдела). Вероятно, именно поэтому мистер Бергер очутился в пыльных рядах холостяков и старых дев муниципалитета. Он пополнил контингент отвергнутых, заброшенных и печальных, даром что не принадлежал ни к первым, ни ко вторым, ни к третьим. Ну, быть может, чуточку к последним — хотя мистер Бергер ни о чем подобном никогда не заговаривал вслух и даже не до конца себе в этом сознавался. Втайне он сожалел, что ему не удалось должным образом выказать свои чувства к той девушке из счетного отдела. Но в глубине души он уже смирился, что возможность разделить с кем-либо свой кров не предначертана ему звездами. Постепенно мистер Бергер стал обретать статичность, а книги, которые он читал, можно сказать, помогали ему в этом. Он не причислял себя ни к пылким возлюбленным, ни к трагическим героям. Скорее он смахивал на романских повествователей, которые отстраненно наблюдают за окружающими и ближе к финалу выносят свое резюме. Такие персонажи уподобляются штырькам вешалок, которые ломаются под тяжестью разнообразных сюжетов (ну а сюжеты, по аналогии,

можно сравнить с пальто и плащами, в нужное время надеваемыми истинными актерами).

Кстати, несмотря на свою читательскую ненасытность, мистер Бергер никогда не замечал, что жизнь, за которой он наблюдает, в сущности, является его собственной.

Осенью тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, как раз в день тридцатишестилетия мистера Бергера, муниципалитет объявил о переезде. Прежде его отделы были разбросаны по городу подобно аванпостам, но теперь показалось благоразумным собрать их воедино — в одном специализированном месте, а периферийные здания пустить с молотка. Такое развитие событий мистера Бергера опечалило. Жилотдел занимал этаж в обветшалом краснокирпичном особняке, где раньше размещалась частная школа, и была некая трогательная несуразность в том, что эти стены дали приют столь не соответствующему по духу учреждению. Новое же вместилище представляло собой брутальную коробку, спроектированную приспешниками Ле Корбюзье¹, которых заботила очистка помещения от всего индивидуального и эксцентричного в пользу единообразия стали, стекла и бетона. Короб вырос на площадке, где некогда красовался возвышенный образец викторианской архитектуры — городской вокзал (его успешно заменили невзрачным бункером, примыкающим к территории торгового центра).

Населению, конечно, стало понятно, что скоро в прах обратятся и другие драгоценности города, а людям придется изнывать при виде уродливой искусственной среды обитания — но иначе, увы, не бывает.

Мистера Бергера проинформировали, что должность регистратора учетных записей упразднится за ненадобностью, а ему поручат иные обязанности. На его место внедрят весь-

¹ Ле Корбюзье — французский архитектор, пионер архитектурного модернизма и функционализма. (Здесь и далее прим. пер.)

ма эффективную систему (что, как продемонстрировало множество подобных инноваций, в итоге вело лишь к снижению качества и росту расходов — по сравнению с предыдущими годами).

Эта новость совпала с известием о кончине пожилой матери мистера Бергера (а больше близких у него и не было — по крайней мере, из числа живых). В тот же день мистера Бергера уведомили о том, что ему причитается скромное, но очень неплохое наследство: дом матушки, кое-какие акции и денежная сумма (не миллионная, но при разумном вложении сулящая перспективу комфортного существования). Надо сказать, что над мистером Бергером издавна довлел писательский зуд — и теперь у него появлялся идеальный шанс дать выход своему литературному пылу.

Поэтому мистер Бергер в кои-то веки удостоился сбора средств в свою честь, устроив на работе скромные посиделки с прощальными тостами, а затем — как в воду канул. Бывшие сослуживцы его более не видели.

II

Матушка мистера Бергера провела свои закатные годы в коттедже на окраине Глоссомы — опрятного английского городка на лоне цивилизации. Глоссом как раз пригоден для тех, чей срок на земле постепенно истекает, и тех, кто желает, чтобы окружающая обстановка не вызывала лишних эмоций, которые, как известно, без нужды ускоряют конец. Население Глоссомы составляли преимущественно набожные англичанцы с соответствующей приверженностью своему церковному приходу — редкий вечер в Глоссоме проходил без собрания паствы, наполняющей зал часовни. Здесь можно было встретить доморощенных драматургов, местных

краеведов или неброско преданных своему делу фабианцев¹.

Мать мистера Бергера жила довольно уединенно, а потому мало кто в Глоссоме удивился, когда ее сын взялся копировать стиль жизни недавно усопшей. Дни он проводил в выстраивании канвы своего будущего литературного труда — романа о безответной любви с приглушенным социальным подтекстом. Действие разворачивалось в девятнадцатом веке, среди кудрявых холмов Ланкашира... Однако мистер Бергер быстро уяснил, что его произведение может прийтись по нраву фабианцам, что парадоксальным образом послужило тормозом к процессу написания. Поэтому мистер Бергер начал забавляться сочинением рассказов, но когда и с ними дело не заладилось, он вернулся к рифмоплетству — последнему прибежищу литературного негодя. Складывалось тоже не ахти. Наконец, дабы занять себя хоть чем-то, он начал строчить письма в газеты по вопросам национальной и международной политики. Один такой опус, на тему барсуков, оказался опубликован в «Телеграф», но в сильном сокращении — в итоге складывалось впечатление, будто автор письма одержим барсучьей тематикой, хотя этой страсти за мистером Бергером, конечно, не наблюдалось.

Постепенно до мистера Бергера стало доходить, что, вероятно, для писательства он не создан, равно как и для светских мероприятий или еще чего-нибудь в этом роде. Но ведь есть и люди, удел которых — просто читать! Когда мистер Бергер пришел к данному выводу, у него буквально тяжкий груз с плеч свалился. Он выложил из карманов дорогие блокноты, купленные в «Смитсоне» на Браун-стрит, и углубился в чтение последнего *roman-fleuve*² Энтони Пауэлла — «Танец под музыку времени».

¹ Фабианское общество — английская реформистская организация, основанная в 1884 г.

² *Roman-fleuve* (франц.) — длинное повествование, «роман-река».

По заведенной привычке вечерами мистер Бергер прогуливался вдоль железнодорожного полотна. Заросшая дорожка, что вилась неподалеку от задних ворот его коттеджа, вела через лесок к возвышенности, по которой тянулись рельсы. До недавних пор поезда останавливались в Глоссоме ежесуточно четыре раза, но отсоединение береговой зоны привело к закрытию станции. Поезда по рельсам все еще с шумом пронеслись, напоминая об утраченном прошлом, но неумолимая реорганизация маршрутов должна была заставить их умолкнуть.

Увы, рельсы в Глоссоме тоже порастут травой, а станция упадет в запустение! Кое-кто в Глоссоме предлагал выкупить ее у железнодорожного ведомства и превратить в музей, хотя было неясно, что именно можно выставить в таком учреждении на всеобщее обозрение. История Глоссомы не изобиловала ни сражениями, ни визитами именитых особ, ни именами великих изобретателей.

Впрочем, все это мистера Бергера не занимало. Ему хватало того, что у него есть приятный маршрут для прогулок. А если еще и располагала погода, то можно было присесть за чтением возле железнодорожного полотна. Рядом со станцией находился турникет, и мистеру Бергеру нравилось ждать там последнего поезда, мчащегося на юг. Состав налетал с грохотом и ветром, а в его мелькающих бледно-синими квадратами окнах виднелись коммивояжеры в костюмах, отчего душу мистера Бергера охватывал трепет благодарности за то, что его трудовая стезя преждевременно подошла к отрадному концу.

С приближением зимы он по-прежнему совершал ежевечерний моцион, хотя ранние сумерки и крепчающий холод лишали его возможности присаживаться с книжкой у дороги. Однако очередной томик был неразлучно при нем: мистер Бергер завел себе привычку проводить час над книгой в «Пятнистой Лягушке» за бокалом вина или пинтой портера.

В тот вечер, о котором пойдет речь, мистер Бергер, как обычно, приостановился в ожидании поезда. Он обнаружил, что состав запаздывает (а в последнее время такое происходило все чаще, и в его душу закралось сомнение, на пользу ли вся эта рационализация железнодорожного расписания). Мистер Бергер закурил трубку и посмотрел на запад, где над лесом догорал красноватый клочок неба, высвечивая на гаснущем фоне обнаженные ветви деревьев.

Именно в этот момент он и завидел женщину, идущую тропкой среди разросшегося кустарника. О существовании укромной тропинки мистер Бергер знал, но для своих прогулок считал ее непригодной: не хватало еще порвать о колючие ветки одежду, а то и расцарапать кожу. На женщине было темное приталенное платье, но взгляд мистера Бергера привлекало не оно, а красная сумочка, которую незнакомка несла в руке. Аксессуар резко контрастировал с нарядом женщины. Мистер Бергер попробовал разглядеть ее лицо, но поворот ее головы препятствовал этому.

Внезапно до его слуха донесся сипловатый свисток, и перрон завибрировал. Приближался тот самый экспресс, который идет ввечеру последним. Сквозь ветви деревьев уже виднелось отдаленное мелькание огней. Мистер Бергер снова посмотрел направо. Женщина замерла, вероятно, тоже заслышав свисток. Мистер Бергер ожидал, что она дождется, когда поезд пролетит мимо, но та повела себя иначе. Вопреки ожиданию, она сорвалась с места и ускорила шаг. Быть может, она рассчитывала пересечь пути до прихода экспресса, но это было откровенно рискованно. Легко спутать дистанцию — кроме того, каждому известны жуткие истории о том, как люди, зацепившись ногой о шпалу или о рельс, запросто лишаются жизни из-за своей нелепой спешки.

— Эй! — выкрикнул мистер Бергер. — Стойте! Погодите!

Он машинально отошел от турникета и быстро двинулся в сторону женщины. Она обернулась на звук его голоса. Даже на расстоянии было видно, что она красива. Ее черноброевое лицо с высокими скулами оказалось бледно, но не искажено тревогой. Однако в этом изысканном спокойствии сквозило нечто странное, почти зловещее.

— Не идите через рельсы! — прокричал мистер Бергер. — Пусть поезд проедет!

Женщина вынырнула из кустарника. Подобрав юбки, отчего снизу обнажились изящные шнурованные сапожки, она начала взбираться на насыпь. Мистер Бергер теперь бежал, окликая ее, пока его вопли не заглушил экспресс, смяв и опрокинув своим гулом вечернюю тишину. Блистая цепью окон, поезд со все возрастающим грохотом рванулся мимо него. Жарко ударил дух машинного масла. Женщина, отбросив сумочку, втянула голову в плечи и, раскинув руки, бросилась перед поездом на колени.

Мистер Бергер съежился. Из-за изгиба полотна он не мог видеть момента столкновения, а звуки чудовищного происшествия утонули в реве тепловоза. Когда мистер Бергер открыл глаза, женщины на рельсах уже не было, а экспресс продолжал свой путь, уносясь вдаль.

Мистер Бергер подбежал к тому месту, где в последний момент находилась незнакомка. Весь в напряжении, он ожидал увидеть худшее — рельсы в пятнах крови и кусках разорванной плоти, — но там ничего не было. Впрочем, опытом в подобных делах он не обладал, а потому и понятия не имел, что происходит, когда поезд на запредельной скорости сшибает человека: остается ли на земле лужа кровавых ошметков или вообще ничего. Возможно, сила удара раскидала останки женщины во всех направлениях, а может, и отволокла ее изувеченный труп дальше по рельсам. Обыскав кустарник, мистер Бергер прошел по путям, но не обнаружил ни крови, ни обрывков